

ЭТО БУДЕТ БЕСКОНЕЧНО СМЕШНО

Полторацкий. Немцев. Королёв. Жданов

Иван Полторацкий, Михаил Немцев,
Дмитрий Королёв, Андрей Жданов

ЭТО БУДЕТ БЕСКОНЕЧНО СМЕШНО

Новосибирск–Москва 2016

УДК 821.161
ББК 84(2Рос=Рус)6
П49

Редактор сборника *Михаил Немцев*

Серия **Н-ская поэтика. Выпуск 2**

П49 Полторацкий И., Немцев М., Королёв Д., Жданов А.
Это будет бесконечно смешно.
Сборник стихотворений. Москва

В данном сборнике собраны стихи четырёх новосибирских поэтов, написанные в 2015-2016 годах. Их основная тема – исследование возможности высмеять так называемую «историю», а равно как человеческие претензии что-либо в ней собой представлять. Поскольку самые страшные события происходят под смех, улюлюканье и брызги слюны, мы считаем что верная интонация для разговоров о происходящем может быть найдена скорее на путях иронии и сарказма, нежели на тропях серьёзности и трагизма.

18+ В связи с тем, что данное издание содержит слова и выражения, которые могут вызвать неконтролируемую эмоциональную реакцию читателя, в том числе т. н. «нецензурную» лексику, в соответствии с требованиями действующего законодательства издание снабжено указателем возраста, ниже которого не рекомендуется знакомство с данным изданием без осознания возможных последствий такого ознакомления.

ISBN 978-98856-257-9

© И. Полторацкий, М. Немцев, Д. Королёв, А. Жданов, тексты, 2016

© И. Кузнецова, обложка, оформление, 2016

+++

История на подходе
Баррикадируйся мешками с гречкой
Это будет в каком-то роде
Хуже демона выходных
Это будет непрерывимо
Это будет червиво-будно
Это будут столбовые шашки
Будут шашечные столбы
Это будет так постоянно
Это будет скорость звука в вакууме
Это будет такой нон-фикшн
Это будет бесконечно смешно

Дмитрий Королёв

(сборник «Смерти никакой нет», Москва 2015, с. 35)

ИВАН ПОЛТОРАЦКИЙ

+ + +

говорил мне амундсен
белый как рояль:
там на южном полюсе
видел я грааль
тулуп норвежской выделки
холодные глаза
только как он выглядит
не могу сказать
синее сияние
зелёная трава
амундсен ты амундсен
спирт из рукава

и вот — случайность

+ + +

В порыве ярости беспечной
Ну уничтожь хоть что-нибудь
Своей любовью безупречной
Не дрогнув обновляя путь.

+ + +

Снежок горит от спички неудобной.
Льдяные пальцы. Иней бороде.
И мужичок дорогою заgrabной,
Обняв коня, летит нигде

+++

все умершие от рака
попадают в этот шкаф:
пустотелая собака
и изысканный жираф.

+++

лишь дай себя в пальто облечь
и стой кури ещё семнадцать лет
здесь жизнь — сплошное дымотечество
и смерть в кармане
то есть нет

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК О ПЕРЕМЕЩЕНИИ В

\

будущее наступило —
стена расстраивается
протягиваешь ладонь и вынимаешь кирпичик
— поставь-ка его на место.
— какой кирпичик?

\\

точка притяжения никогда не находится в настоящем —
вот она переместилась на другую планету
дом улетел
воздушные шарики не строят дома

\\\

разглаживаешь память ладонью —
осталась только линия сгиба

бедро Елены*

твоё бедро

* по данным вчерашней ночи

+++

— неужели эта луна теперь всегда будет на небосклоне?

дальность полёта тела равна высоте бросания*

(тело движения

тело полет-а

тело бросания)

*с какой высоты (же) брошено тело?

выдох легохонько

дальше тишайше

люблю тебя яблоко

предплечи-ем

в каждом теле есть корень любви

грудная клетка-я

п (р) ах к п (р) аху

говорят, что сердце Луны сохраняет температуру,

значит, что на Луне можно будет построить подземные лаборатории.

зарывшись

в лунный грунт

с обратной стороны черепа

(волосы твои на холодном ветру в такси)

любовь ничего не значит

УТОМИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Анатолию Каплану по личной просьбе

во второй мировой войне погибло
156 Иванов Полторацких
7 Анатолиев Капланов
и 6 Анатолиев Квашиных
до сих пор не понимаю зачем это было:
мы шли на БелГЭС под Оршей
в составе 541-ой радиоуправляемой трамвайной бригады
задание свыше было таким:
перешить трамвайные пути в городе Витебске на советскую колею
и выпустать вагоны категории X
потом я сказал что могу перегнать трамвай на Венеру
и начал перегонять
такие дела
Говорят что наши тела бомбили когда мы были в будущем
я возвращался и не мог найти никаких следов своего пребывания
будто они разбомбили время
в общем я решил не соваться в эту воронку

или эти плети и снег и разбитый военный госпиталь
добрые пятипалые сёстры божественного милосердия
и голодные братья в собачьей форме с тремя головами
все они убеждали меня в необходимости возвращения
о чём они думали неужели и правда кому-то хочется
выползать из окопа с пробитыми лёгкими
чтобы потом когда уже память сотрётся
расстёгивать рубашку после хорошей рюмочки
и показывать всем желающим
подробности вреда от курения
через незаживающую дыру на груди
ещё тогда вместо сердца у меня гудел трансформатор
и голова болела от постоянных расспросов внучки
которой всегда было дело до деда со странностями

Иван Пантелеевич лёг под машину и встал во весь рост
чтобы мы могли выйти из окружения.
он стоял как Атлант пока мы бежали по узкому проходу в Нарнию
и рухнул после последнего беженца
навсегда завалив залив

Анатолий Кузьмич в боях под Харьковом превратился в пчелу

Анатолий Львович родился в 1907 году и до сих пор днём и ночью не считаясь с отдыхом

своевременно обеспечивает боевую работу полка радиосвязью установленной на самолёты
Анатолий Шлемович сидит на всех самолётах и принимает сигналы
Гера Марк Сидорович — опытный разведчик — ворует важные документы
ещё до того как они написаны.
Я говорю им ребята вы увлеклись здесь вообще чёрт те что творится
а они отвечают мол мы же не убиваем.
Контуженный при переправе через малый Стикс капитан Натынадзе Сократ Ильич
лишь тяжело вздыхает
Он не вернулся из Неверленда
утомительная история
такие дела

МИХАИЛ

НЕМЦЕВ

А вот, написать бы стихотворение, как
любовь во время войны и т. п. неинтересными делает
новости издалека, потому что, увы, неизбежны вокзал, корабль, самолёт
и ожидание: это вновь, это вновь, это вновь!
И это любовь. А думаю я всё равно о том,
как ровно вот сто лет назад, поутру гуляя неподалёку отсюда,
в пригородных полях, с флягою и с ружьём в руке,
ровесник самоуверенный мой, некий приват-доцент,
рассуждал про себя о гуманитарном кризисе,
сумерки Римской империи прозревал в розовых облаках над рекою Тиссой,
но сам-то он пребывал под защитою стен святых, и культурно
проводил свои будни, готова к опубликованию некоторые статьи — и он же
ровно четыре года спустя рыдал от безнадёжности под воротами
какого-то дома уже в Стамбуле-Царьграде, уже не приват-доцент,
а почти доходяга, складывавшаясь пополам
на жёстких камнях мусульманского гиблого города. И всё это вроде почти вчера.
Что толку быть собой, не ведая стыда?

А вот неймётся ж человеку своё мнение иметь!
Да вот хоть соседу — о том, что закрыть все двери,
хоть как на подводной лодке, и пусть они там загнутся —
уж мы-то пересидим! Да хоть и на дне, не страшно — пересидим!
Как не было этих ста лет. Хотя, впрочем, *были, и потому* —
кровавое кей-джи-би *всё* уже в прошлом, да?

А там, за лесами, полями, другая страна, тридцатые королевства-республиканства,
и там, было дело, натащивались, накувыркались, и кто-то со шлюхами пил кофей,
а кто-то и шёл в номера. Ого! Но всё ж и они как-то всплыли,
теперь зажигают уже по-другому, цивилизованно. Пример нам или не пример?
Такая теперь любовь, расчётливая, и всё-таки недалёкая. Самолёты
ещё, говорят, летают.

РЖАКА

Как это ещё назвать, взрослые вроде бы мужики
озабочены кто там кого недостаточно съел,
и перчатки там лайковые кто носил не сносил
для чего
и не тех кто-нибудь развратил, растлил,
и прочее вроде того;
озирая этот амфитеатр, я во-первых, думаю: «дураки!»
и во-вторых: конечно, не дураки, но в испорченном воздухе молчаливо, без деклараций
мутируют даже фикусы, не говоря – традесканции. Выползает, ого, и лайй.
Куда бедному мне податься? Цирк да не тот, Богородица
не велит тут у вас упражняться.
То есть – у них, у них! Сопереживаю! – Кому ж?
Упс, гляди-то как выгибается на все восемь сторон языкастое оплещество,
обесмысленное настолько, насколько бессмыслица
способна к бессмысленности, – не утешительной для философа – это не «абсурд»
ржака

ДРУГОЕ ПИСЬМО К ИРИНЕ, О СУЕТЕ СУЕТ

Помнишь ли, как пред барышнею самоуверенного возраста на колени падал, бился в истерике подлинной апологет упадочной философии, с воплем «Производи! Производи!», а она отвергала его единым движением руки с ногтями кроваво-красными, так изящно?

Вспомни ещё, как истекали мозги в больших черепах, очёчными украшенных оправками, в знойнейшей середине июля, в долгих дискуссиях о непредпочтительности абортивных мер? О, зря что в самую то есть жару самоотверженно сочинялись их резолюции, чтобы отправиться по инстанциям и к самими производителям, прямо в народ?

Мало ли было попыток, с другой стороны, пресечения неуместных поползновений на что-то такое — в общественном транспорте, в академических аудиториях, да что там! — в общественных банях, в университетских библиотеках, предназначенных вообще-то для неторопливого вчитывания в насыщенные сочинения — где ж это бедствие только не свило себе гнезда! Но тщетны и тем восхитительны в их увлечённости запретительные порывы.

Мысленным взглядом окинув весь этот опыт и сотен и тысяч, как не воскликнуть ах суета сует! Баба — что баба? Ну скажем, родит или не родит. Но ведь это имея в виду, будет вокруг увиваться некто, преподнося чуть ли не яблочки на снегу или там что ещё. А детородного возраста баба — возьмёт да и уедет вместо многообещающих всех этих дел жизнь прожигать, например, в MIT, и тоже в своём ведь праве, и на этом чьей-нибудь сказке конец. Так-то вот и романы захватывающие заканчиваются ничем, *бывает.*

ПИСЬМО ИВАНУ, О ВИКТОРЕ

Зима вот-вот закончится, и тридцать семь закончится, а он херакс —
в окно!

Как Мандельштам в Чердыни не сумел.

Иван, ты был там, оцени-ка: долго ли летел?

Чего успел?

Неупорядочены люди... — шась в окно!

Не злой же Кремль, скажем, в этом виноват,

а бесы говорят

трепещут

Допустим, там чего-то есть.

Допустим — почему б и нет?

Ведь мы ж условились что смерти нет,

там точно не как здесь,

и там-то, продолжаем, всё восполнено,
неполное заполнено, прямое выгнуто, кривое

гармонично вжато в правильную раму

ах все мы устремляемся туда мы

ан нет, покамест будем выгибаться здесь

какие ни на есть,

а там и небо абсолютно голубое

и ветви там колыхаются в покое

И София Парнок и Белла Ахмадулина

его там любят

женскою любовью

ПИСЬМО ДМИТРИЮ, О ТЕМЕ ЕБЕНЕЙ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

«Ни одна блоха ни плоха».

В случайном письме была эта фраза как бы вишенкой на торте, прочитал я её, раздумывая о жизни

тех, о ком говорят — «такой ни в пизду и ни в Красную армию» — то есть так и торчи, народившись в своём Четвёртом Карьере, или на Первом разъезде,

мужаешь поблизости от остановки «квартал Э»,

переезжаешь с годами на Северную Проходную,

отходишь вблизи от площади Пятьдесят лет съезда чего-то там.

Но, говорят, «ни одна блоха ни плоха».

Из ебеней-то явится ль что-то доброе?

Добро это как ляжет карта, как увидишь, как въедешь:

не эта ли местность на данный момент найбільше підходить

для воспитания наблюдателя нашего дарагога

обжитога

укорененнага в безнадеге феодализма.

ДМИТРИЙ КОРОЛЁВ

+++

кажется я начинаю понимать
людей которые
в какие-нибудь тридцатые
писали доносы
на соседей по коммуналке
чтобы заполучить
соседскую комнату

вы просто не видели
там два окна огромные
на солнечной стороне
и сама комната здоровенная
и лепнина какая

+ + +

откуда берутся деньги
дурак у тебя же сёстры
поцелуй меня как воробышек
как воробушек
как кулик

все мы хотим как звери
сейчас когда всё про кризис
хочется просто хотеть

говори за себя не все

можно ли научиться
слушать смотреть и трогать
если дадут отопление
иначе как можно вообще

глаголу на б научиться
дурацким правам научиться
научиться держать голубей

не придуривайся всё-то ты знаешь
не валяй дурака всё ты видел
нет меня без усов не видел
так что сделай мне усы потемней

сделай родинок мне побольше
я случайно тут три раскорябал
получилось как будто бы слово
получилось как будто цветок

+++

За стеной существуют вещи
Но они нам пока не даны

Звук стопки падающих книг
Дождь песок продающий текст

За стеной существуют голуби
И неизбежные попугаи

Тело небесное кровь моей крови
Танец осыпался пахнет как в лагере

Эта игра построена на дилемме узника
Это настоящий конвейер смерти

+++

он сидит и пишет
по направлению к снегу
он сидит и пишет
кажется никому

пряничный человечек
сделан ли дом из плоти
пряничный человечек
сделан ли дом из ли

кто говорит снежинка
я говорю крик лемура

я говорю снег это горло
горло говорит снега нет

+++

расстегни рубашку покажи шрамы
и что там написано
вот путин с пятью опечатками получается папа
дыра на груди
означает бог есть
если вложить палец прочтёшь
как шумят воды лесбийские
вычеркнуто летейские
под одним коленом история
о том как ты падала с лошади
под вторым выбито
подавитесь жмыхом блядская нация вертухаев
недвусмысленные розовые отверстия означают
смех испуг войну славу богородицу и русалку
до дна не прокусишь
ничего личного
так оно никогда не закончится
сохрани пока
иди спать

+++

комната

темнота

студент философского факультета

превратился в окно

за нас

занавес

АНДРЕЙ

ЖДАНОВ

+++

В России всё всегда бывает по любви.

И голуби ворчат о том же.

Вагон купе. Храм Спаса-на-Крови.

По существу одно и то же.

Здесь нет в кого стрелять,

И нет за что вообще,

И кажется опять,

Что просишь ты проще-

Ния. Не я здесь жил,

Не я оставил след,

Не я здесь сторожил

Ненужный пистолет.

Товарищ, там, вдали,

Есть тихие моря,

В которых корабли

Забыли, что земля

Есть. Отомри, Судьба,

И пусть не знает семя,

Верблюжьего горба

промазанное стремя...

+++

Они проснулись в феврале,
примерно в середине месяца,
а кот смотрел на них и бле-
ял как баран. От сердца
оторван был сосуд. Игрушки
разбросаны-потеряны. Смотри,
на наволочке, на подушке
пришвартовались корабли.
Один корабль — «Тупое бремя» ,
другой корабль — «Дрянная власть»,
а третий — «Остановка Времени».
Четвёртый выдумал пропасть.

+++

— Самостоятельно никто не умирал,
всё происходит по желанию Бога.
— Ты в это веришь, адмирал?
— Я зуб даю тебе, Серёга.

+++

Нас не в цене нужно искать,
а, может, в проявлениях грусти,
и пусть желанье не отпустит,
по полу нечего таскать:
двух кукол, деревянный ящик,
халат отверженной жены,
скульптура «оловянный мальчик»,
и, будете все поражены,
хвост дирижабля,
вот уж, бля.

+++

В двухтысячношестнадцатом году
закрыли пятнадцать котов в зале для исламских занятий,
они лаяли ночь на проплывающую над ними звезду,
а утром пришёл Захар Игнатьевич Тратий.

Он котам сказал несколько слов и даже погрозил пальцами,
дескать, так нельзя, ведь каждый готов, обоссаться в такой ситуации,
а вы тут делаете буйство неумелых пехотинцев,
оставленных ирландским отрядом,
для того, чтобы всяких проходимцев
не было рядом.

Хватит лаять по пустякам, пора мурлыкать,
да и мне уже надо слегка смыть все ваши насранные улики.

+++

Гремит,
гремит гроза и дождь, и град.
Всё за окном, не стоит выходить.
Простая тема из преград,
но лучше так и поступить —

остаться дома у окна,
и вороном смотреть оттуда —
на карнавал, где горбуна
сковала вечная простуда;

на Коломбину и Пьеро,
застывших в пароксизме танца;
на безответственное бро,
ушедшее в стогу валяться;

на тысячу пернатых тварей,
закрывших телом небеса.
Шёлк, бисер, дым! Едва ли
такие длятся чудеса

подолгу. Мне об этом знать
не нужно. Я стою у входа
в тот край, откуда вспять
не повернуть. И пусть погода

условно дышит в паруса,
лукаво помогает светом.
Мы потеряли полюса,
вопрос преобразив ответом.

+ + +

Не эльф мне позвонил вчера, не тролль,
не гном из подземелья золотого.

Мне голос в трубке доложил: изволь
мне привнести в твой мир такого,
что ты не вынесешь.

Я скромно положил
смартфон свой старый около подушки,
задумался, но ненадолго — сил,
наверное, осталось, чтобы до подружки
добраться и закончить то,
что начинали в прошлый понедельник:
она чинить задумала пальто,
а я раскрашивать поребрик.

+++

Стереобаза устройства не соответствует общему контуру.
Всё стремиться к тому, что будет несоответствие,
когда в сумерках входящий в комнату
забывает продемонстрировать приветствие,
например, прикладывая руку к головному убору,
похлопывая себя по бокам,
приседая, падая, потеряв опору,
обретая, при этом, веру, страшным нездешним Богам.

Нас постепенно покидает ощущение невесомости,
с каждым днём мы становимся старше.
Мой мальчик, у меня нет больше совести,
впрочем, её не было и раньше.
Раньше, когда казалось, что
облака плотные, как перина.
И речка была глубока.
А девушку звали — Ирина.

+++

Мы здесь всегда и навсегда,
мы — родились, и в этом правда.
Не счастье, но и не беда.
Нас не возьмут уже обратно.
И не было у нас границ,
когда среди потока улиц
мы раны слушали глазниц,
и помогали им, сутулясь.
Пусть — это бред сивокобыльный,
но не кентавровый вполне.
Однажды, при большой Луне,
мы упадём в ковёр ковыльный
и там останемся на дне.

АНДРЕЙ РУБЛЁВ

Раза три,
нет,
раз пять я
просил Бога сломать мне суставы.
разрешить мне напиться
до исчезновения печени,
до головной боли под грузовым составом,
до раскаяния трудолюбивого,
до распятья.
В течение времени,
во время течения,
тела не милого,
а бренного, гнилостного, прикрытого тряпочкой,
мальчика рассмеши показом трубки,
пусть приоткроет губки,
пусть поласкает мягко.
Разреши ему трогать, животное,
трусливая скотина, потерявшая ножик.
Под волосами, под кожей
найдёшь свой клад,
найдёшь осторожно.
Ничего нет страшней,
когда снег в Храме идёт.

Оглавление

Иван Полторацкий.....	7
Михаил Немцев.....	15
Дмитрий Королёв.....	23
Андрей Жданов.....	31

Литературно-художественное издание

Иван Сергеевич Полторацкий, Михаил Юрьевич Немцев,
Дмитрий Сергеевич Королёв, Андрей Вадимович Жданов

ЭТО БУДЕТ БЕСКОНЕЧНО СМЕШНО

Автор идеи и редактор Михаил Немцев (nemtsev.m@gmail.com)

Обложка и вёрстка сборника выполнены Ириной Кузнецовой

Подписано в печать 05.08.2016. Формат 70X90 1/32.

Гарнитура Roboto. Тираж 120 экз.

Книга отпечатана в мастерской им. Фадеева Геннадия.
г.Москва, пр. Нансена, 4.

